

Владислав
КРАПИВИН
КОВЕР-САМОЛЕТ

Летящие сказки

Владислав Крапивин

Ковер-самолет

«наследники Крапивина»

1976

Крапивин В. П.

Ковер-самолет / В. П. Крапивин — «наследники Крапивина»,
1976 — (Летающие сказки)

Оказывается, летать можно не только во сне. Герои сказочной повести из цикла `Сказки о парусах и крыльях` – самые обыкновенные ребята. Однажды летом они нашли в старом чулане ковер и узнали его тайну. С этого момента перед друзьями открылись невероятные возможности. Их ждут захватывающие приключения и замечательные путешествия, в которых отважным `летчикам` предстоит совершить множество добрых и справедливых дел.

© Крапивин В. П., 1976

© наследники Крапивина, 1976

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	16
Глава четвертая	22
Глава пятая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Владислав Крапивин

Ковер-самолет

*Моему маленькому
барабанищику Павлику*

* * *

Иногда среди ночи я просыпаюсь от прилива радости. Я смотрю на темный потолок и стараюсь вспомнить: что же было?

Ну конечно! Только что рядом со мной смеялся Виталька. Не тот худой высокий дядька Виталий Андреевич, который недавно приезжал ко мне в гости, а настоящий Виталька – бело-брысый, давно не стриженный мальчишка в голубой майке, с облезшей от загара кожей на плечах и расцарапанными острыми локтями.

Мы только что, свесив ноги с ковра, летели вдвоем над знакомыми улицами. Теплый ветер будто мохнатыми мягкими крыльями бил нас по ногам, а в спину горячо светило утреннее солнце. Внизу проплывали темно-зеленые груды тополей, коричневые железные крыши и серебристый купол городского цирка. Навстречу нам, возвышаясь посреди редких желтых облаков, двигалась белая колокольня, похожая на крепостную башню. В сквозных оконных проемах верхнего яруса темнели уцелевшие с давних времен колокола. Выпуклую крышу устилали ржавые железные квадратики. Кое-где они отстали и топорщились, будто крыша взъерошилась от ветра.

Мы с Виталькой сидели, обняв друг друга за плечи, и хохотали. Смешно было, как взъерошилась крыша. Смешно было, какие маленькие, игрушечные внизу на реке баржи и катера. Смешно, как у Витальки с ноги слетел старый брезентовый полуботинок. Он был стоптанный, с протертой на месте большого пальца дыркой, и мы не стали его догонять. Башмак упал на цирковой купол и поехал с него, словно санки с горы. Потом прыгнул с карниза, как с трамплина, и нырнул в тополиную гущу.

– Бросай второй! – крикнул я, потому что зачем он, один башмак.

Но Виталька помотал головой. Он достал из кармана катушку ниток и привязал к полуботинку.

– На буксир!

Мы круто снизились к реке, будто с горы съехали, и полетели над самой водой. Так низко, что ноги окунулись и вокруг них вздыбились фонтаны с брызгами и пеной. Виталька отпустил полуботинок, и он запрыгал позади нас, как на буксире. Вот потеха!

– Как на подводных крыльях! – закричал я и от хохота повалился на спину, махая мокрыми ногами.

Нитка оборвалась, и башмак поплыл сам по себе. Потом его выудит вместо пескаря какой-нибудь незадачливый рыбак. Вот смешно будет!

Мы пролетели под старым деревянным мостом, который поскрипывал от тяжести грузовиков, и стали подниматься к заросшему откосу, где белели старинные стены и башни.

Воспоминание тускнеет, уходит, но радость не кончается. Я лежу и улыбаюсь в темноте. Потому что все равно это было. Пусть не сейчас, но было!

Понимаете, было!

Глава первая

Детство я провел в северном городке на берегу большой реки. Городок был деревянный, с дощатыми тротуарами вдоль тесовых заборов, с хитрыми узорами на древних, покосившихся воротах. За воротами скрывались просторные дворы. Они зарастали мягкой травой и одуванчиками, а по краям – непролазным репейником и крапивой. Во дворах стояли сараи и возвышались длинные поленицы сосновых и березовых дров. От полениц пахло лесной чащей и грибами.

Здесь было такое раздолье для игр! Даже для футбола хватало места, если только никто не развешивал на веревках белье.

Конечно, были в городе и новые кварталы – крупноблочные пятиэтажные дома, будто сложенные из цветных кубиков. Встречались старинные кирпичные здания – с колоннами и узорными балконами. Но главным образом на улицах стояли одноэтажные и двухэтажные деревянные дома. Были они, впрочем, совсем не деревенские – большие, с окнами двухметровой высоты.

Улицы выходили к речному обрыву. На обрыве поднимался каменный монастырь, построенный по приказу царя Петра. Это был не просто монастырь, а крепость – с высокими стенами, с башнями, у которых темнели узкие прорезы бойниц.

Над стенами и башнями, над церковными куполами возносилась белая колокольня с черными круглыми часами. Часы были громадные – метра три в диаметре. Жаль только, что они стояли.

Остановились они давным-давно, в девятнадцатом году, когда был бой между красными и белыми. Говорят, что на верхнем ярусе колокольни засел белогвардейский пулеметчик и держал под обстрелом полгорода. Никак его не могли выбить. Наконец из-за Каменного мыса выполз буксирный пароход, переделанный в канонерскую лодку “Мировая революция”. С “Мировой революции” по колокольне шарахнула трехдюймовка.

Что там стало с пулеметчиком, никто не знает. А часы остановились, прощально позвонив колоколами. Их потом и не пытались чинить. Деревянные перекрытия и лестницы обгорели и рухнули. Попробуй доберись до часов. А если и доберешься, то как разгадать хитрости механизма? Его вручную точил и ковал из меди еще при Екатерине Второй какой-то мастер-самоучка. Чертежей-то он не оставил.

Да и до часов ли было? В тридцатых годах кто-то хотел вообще взорвать и разобрать на кирпичики весь монастырь, как взрывали несколько церквей. До этого, правда, не дошло, но и о ремонте никто не думал: были дела важнее – строили судовой верфь и новый порт. Потом началась война, а после войны хватало других забот.

Вот так и получилось, что целых сорок лет на большущем циферблате, который висел над городом, как черная луна, стрелки показывали без пяти минут час.

Но даже и с такими часами колокольня была красива и знаменита. Особенно любили ее капитаны. Все теплоходы, которые шли вниз по реке, держали от Каменного мыса курс на колокольню. Она была на всех лоцманских картах.

Теплоходы проходили часто. Я и Виталька засыпали и просыпались под их протяжные, немного печальные гудки.

Мы с Виталькой жили вместе. По крайней мере летом. С тех пор как подружился. А подружился мы целую вечность назад – за два года до случая с ковром. Мне тогда не было и восьми лет, а Виталькины годы едва подтягивали к девяти. Он спас меня тогда. Это целая история, которая началась печально, а кончилась хорошо.

Когда меня еще не было на свете, мой отец воевал с фашистами. Он вернулся живой, но с пробитыми легкими. Сначала болезнь его не очень мучила. Он стал работать учителем физики, женился. Затем родился я. Годы шли спокойно. А потом вдруг болезнь открылась, и врачи ничего не смогли сделать.

Почти три года мы с мамой прожили вдвоем. А когда я кончал первый класс, у нас дома появился дядя Сева. Всеволод Сергеевич. С пятилетней Ленкой. Он работал в управлении речного порта и носил фуражку с якорем.

Но ни эта фуражка, ни сам он мне не понравились. Все не понравилось. Даже то, что говорил он почти как папа – глуховато и с прикашливанием.

У него было худое лицо с бородкой, две прямые морщины над густыми бровями и большие коричневые глаза. Если не придирается, то вполне нормальное лицо, даже симпатичное. И глаза не сердитые, а наоборот. Он смотрел этими глазами на маму, как Данила-мастер на Каменный цветок. А на меня смотрел как-то виновато.

Ну и пусть! Мог бы и вообще не смотреть!

Не думайте, что я скандалил или дулся открыто. По утрам я говорил ему “здравствуйте”, а вечером – “спокойной ночи”. Я даже стал звать его не “Всеволод Сергеевич”, а “дядя Сева”. По маминой просьбе. Но когда дядя Сева пытался тронуть меня за плечо или погладить по голове, я шарахался, как от крапивы. Ничего не мог поделать с собой. Да по правде говоря, и не хотел.

А тут еще Ленка! Сразу прилепилась к маме. Будто бы век была ее дочерью! И говорить стала “мама”. Я каждый раз вздрагивал, будто мне за шиворот падал таракан. Мама однажды взяла меня за локти, поставила перед собой и тихо сказала:

– Олечка, Олечка... Она же маленькая. А свою маму она и не помнит. Разве ты не понимаешь, как плохо без мамы?

Я понимал. Это я прекрасно понимал! Еще бы! В детском саду, даже в старшей группе, если мама задерживалась и вовремя не приходила за мной, я готов был удариться в слезы. А если мама вечером уходила в кино, я с головой, как в холодную воду, погружался в печаль.

Поэтому я проглотил комочек и кивнул. Но хоть сто раз кивни, а ничего не поделаешь, если не проходит обида.

Ленку я не обижал. Иногда приходил даже в детский сад за ней. А один раз показал, как делают из бумаги двухтрубные паровозики. Но когда Ленка взяла без спросу моего фарфорового котенка и нечаянно грохнула о половицы, я не выдержал. Молча давясь слезами, я собрал осколки в газету (может, потом склею) и достал из-под дивана заброшенный школьный ранец.

Кроме осколков котенка я уложил в ранец свитер, книжку “Снежная королева”, бутылку с водой, полбуханки хлеба, нарезанную ломтиками колбасу, спички и папину медаль “За победу” на черно-оранжевой ленточке. Потом вытащил из шкафа школьную форму: штаны с аккуратной заплаткой на левом колене, гимнастерку с пуговками, похожими на военные, только без звездочек, и ремень с латунной пряжкой. На пряжке – веточки, книга и буква “Ш”. Форма эта, неуклюжая и тяжелая, как доспехи рыцаря, осточертела мне за долгие месяцы школьной жизни. Но что делать? Без теплой одежды в дальней дороге пропадешь.

– Ты в школу пойдешь? – подавленно спросила Ленка.

– Дура, – мстительно сказал я. – Кто это ходит в школу, когда каникулы?

Я вытер глаза, щелкнул пряжкой и сунул ноги в мамины резиновые сапоги. Сапоги были велики. Я отогнул голенища, и получились отвороты, как у охотников или мушкетеров. В первое голенище я сунул свой узкий тонкий кинжал, сделанный из ножовки для металла. У него была рукоятка, обмотанная изолентой, и перекладинка из медной проволоки. В левое голенище я опустил детскую лопатку.

А еще взял самодельное ружье с тугой резинкой. Оно стреляло скобками из алюминиевой проволоки. С десяти шагов такая скобка пробивала навывлет плотный лист бумаги. Если попадешь зверю в глаз – тому сразу капут.

Не сказав больше Ленке ни слова, я ушел из родного дома. Ушел, грохоча сапогами и прощаясь с детством.

Я решил пойти за реку, в дальние леса. Там среди корней старого дерева я вырою землянку. Буду спать на подстилке из пахучей лесной травы, охотиться на зайцев, а по вечерам сидеть у маленького уютного костра, беседовать с верной собакой и читать ей сказку про Снежную королеву.

Целый квартал я шагал довольно бодро. Потом решительность моя пропала.

В глубине души я прекрасно понимал, что едва ли сумею выкопать настоящую землянку, годную не только для летней жизни, но и для зимовки. Чувствовал, что одному у ночного костра будет жутко. А кроме того, мне ужасно жаль было убивать симпатичных добрых зайцев, про которых я знал целую кучу сказок.

Но больше всего (чего уж скрывать-то!) мне жаль было покидать маму.

Верная собака Джулька (не моя, а общая, уличная) предательски бросила меня, как только я скормил ей последний ломтик колбасы. Я растерянно остановился на перекрестке. Как же быть, в самом деле?

Я был бы просто счастлив, если бы сейчас меня увидели мама и дядя Сева: они как раз должны были возвращаться из кино. Мама крепко взяла бы меня за руку, привела домой, отругала как следует и, может быть, поставила бы даже в угол за умывальник. Ну и пусть! Я оказался бы схваченным, но не побежденным. А прийти домой сам я не мог. Такой позор, такое поражение!

Но мамы и дяди Севы не было. Может быть, лечь в канаву рядом с тротуаром и умереть от горя? Однако умирать здесь было неудобно. Во-первых, меня увидели бы прохожие, во-вторых, несмотря на вечернее время, стояла жара, и я совсем измучился в походном снаряжении. Попробуйте лежать, дожидаясь смерти, когда такая духота! Долго пролежите?

Ничего не оставалось, как продолжать путь. И я побрел.

А когда я прошел еще полквартала, судьба послала мне навстречу Витальку. Он неторопливо шел по кромке тротуара и толкал перед собой обруч от бочки. Недалеко от меня он остановился и крутнул обруч вокруг оси. Тот завертелся на месте, превратившись в прозрачный шар. Виталька засмеялся, хлопнул “шар” по макушке и остановил вращение. Поднял глаза и увидел меня.

– Э, Олега! Ты куда?

Мы были знакомы, но никогда не дружили. Просто иногда играли в одной компании. Я даже не знал, где он живет.

Но случилось так, что именно он встретился на моем горьком пути.

– В лагерь? – спросил он.

Я чувствовал, что, если начну говорить, разревусь. И покачал головой. Виталька перестал смеяться. Уже другим голосом поинтересовался:

– В лес?

Я кивнул. Виталька стал серьезным. Зачем-то надел через плечо обруч, осмотрел меня от сапог до ранца, торчавшего над плечами, и тихо спросил:

– Насовсем?

Я даже не удивился, как он догадался. Главное было удержать слезы. Я снова кивнул.

Виталька обошел меня вокруг, осторожно потрогал ранец. Затем снова встал передо мной. Я впервые увидел близко его глаза. Виталькины.

Он был мудрый человек, даже в те годы. Он сказал:

– Чего тебе в лесу делать одному? Айда ко мне.

Если бы я не боялся говорить, я заспорил бы. Ну чего я пойду к нему, к почти незнакомому? Ему, наверно, влетит. Скажут: что за бродягу привел с улицы?

Но разговаривать я не мог, а молча стоять было глупо. И я, понурившись, зашагал рядом с Виталькой.

Он привел меня в старый дом. Из прихожей по скрипучей лесенке мы поднялись в невысокую комнатку. Там была лежанка на чурбанах, косоногий стол и старинное кресло с завитками и вылезшей из сиденья пружиной. А на стенах какие-то картинки – я тогда их не разглядел.

Виталька стащил с меня ранец и сказал:

– Гляди-ка, ты весь мокрый. Вылезай из своей шкуры и айда умываться.

Я с облегчением выбрался из походных доспехов. Виталька дал мне вместо сапог свои старые тапочки и повел вниз, к умывальнику.

Умывальник оказался в точности такой же, как у нас: голубой, эмалированный, с длинным болтиком вместо крана. Надавишь болтик снизу – и в руки бьет струйка.

Такой знакомый, просто родной был умывальник, что я поспешил уткнуть лицо в ладошки с водой.

Когда умылся, стало легче.

“Может, все еще наладится в жизни?” – подумал я.

Виталька, видно, почуял, что я ожил. Он припечатал свою мокрую ладонь к моей спине в круглом вырезе майки и бодро сказал:

– Топаем!

Мы “протопали” в комнату с хрустальной люстрой. Люстра горела, хотя вечер за окнами был совсем светлый. Только это стеклянное сверкание я и заметил в первый момент.

– Тетя Валя, это Олег. Ты нас покорми. Ладно? – сказал Виталька.

И я увидел тетю Валю.

– Здравствуйте... – испуганно пискнул я.

Тетя Валя смотрела на нас поверх очков. Она была высокая, горбоносая, в синем платье с воротничком, стоячим, как у офицерского кителя. Волосы у нее были гладкие, собранные сзади в тугий валик. Таких дам, худых и строгих, я видел в английском фильме про мальчишку по имени Давид Копперфилд, когда мы ходили с мамой в клуб речников. А в жизни мне такая тетенька ни разу не встречалась.

В ответ на мое “здрате” она кивнула, а Витальке сказала:

– Покормить? Гм... А руки мыли?

Виталька вытянул вперед растопыренные ладошки и повертел ими. А я не решился. Тогда он взял мои руки и тоже протянул тете Вале.

– Ничего не поделаешь, – сказала она. – Ступайте на кухню.

Потом мы ели сосиски с горячей картошкой и пили холодное молоко. Я помнил мамины уроки, как держать себя в гостях, и сидел прямо, локти на стол не ставил, старался аккуратно орудовать ножом и вилкой.

А Виталька болтал ногами и шумно втягивал в себя молоко.

– Ты поучился бы у мальчика вести себя за столом, – заметила тетя Валя.

– Он просто стесняется, потому что первый раз, – бесстрашно возразил Виталька. (Увы, будущее показало, что он был прав.)

– Ты издалека? – обратилась ко мне тетя Валя.

– Да ты что! – торопливо вмешался Виталька. – Он с нашей улицы из дома номер четырнадцать, где собака Джулька. Знаешь?

Я ожидал, что тетя Валя возмутится: с чего это она должна помнить всяких Джулек? Но она кивнула.

– Он у нас переночует, – как-то очень уж обыкновенно сказал Виталька.

Тетя Валя слегка подняла брови.

“Сейчас начнется”, – с замиранием подумал я и приготовился к расспросам. Тетя Валя глянула на Витальку, опустила брови и сказала:

– Унеси наверх вторую подушку.

...Мы улеглись на Виталькином топчане. Было тесновато, но ничего...

– Рассказывай, – велел Виталька.

Я не стал притворяться и спрашивать: “А чего рассказывать?” От разговора все равно не уйдешь. Только как объяснить про все, я не знал.

– Насовсем ушел из дома? – прошептал Виталька.

Я вздохнул.

– Отлупили? – понимающе спросил он.

– Да что ты! Меня никто никогда пальчиком даже не тронул!

– Без битья обижают?

Я опять проглотил комок.

– Да не обижают... Из-за Ленки. Ну, не из-за Ленки, а вообще. Из-за котенка...

Я все-таки начал рассказывать. Сперва просто так, а потом, конечно, разревелся. Виталька не успокаивал, только переспрашивал иногда, если я замолкал. Выслушал все и мудро сказал:

– Ну ладно. Это бывает...

“Да, бывает! – подумал я. – А как же там, дома?” – и отбросил одеяло.

– Ты куда?

– Домой я. Мама ищет, наверно...

Виталька натянул на меня одеяло.

– Мама знает. Тетя Валя сходила и сказала. Завтра пойдешь.

Я почувствовал, что измучился до полусмерти. Благодарно уткнулся носом в острое Виталькино плечо и тут же уснул.

Рано-рано я проснулся, оставил спящего Витальку, осторожно спустился в прихожую и отодвинул на двери щеколду.

Ух как мчался я домой! Мама ждала меня у калитки. Она взяла меня за плечи. Ладонки у нее были сухие и горячие.

Я глупо улыбнулся и стал смотреть на свои ноги в Виталькиных тапочках.

– Олечка, – сказала мама, – давай договоримся. Не отправляйся больше в дальние экспедиции без предупреждения. Ладно?

– Угу... – сипло сказал я. И ткнулся лицом в мамину кофточку.

В тот же день я побежал к Витальке. Наверно, он ждал меня. Сидел на крыльце под узорным навесом и нетерпеливо смотрел, как я подхожу.

– За вещами пришел? – спросил он.

– Да нет. Я так... Можно?

Он заулыбался и сразу стал не старшим, а таким же, как я.

– Полезли ко мне на вышку!

...Вечером мы уговорили маму, чтобы я опять ночевал у Витальки.

– У него подозрнная труба есть, мы будем на луну смотреть, – умоляюще говорил я и даже пританцовывал.

– И солдатики у нас недоделаны, – вторил Виталька.

Мама почему-то вздохнула и согласилась.

...Вещи мои так и остались у Витальки. Даже мамины сапоги. Даже папина медаль. И ружье, и кинжал. И котенок. Его склеил Андрей Николаевич, Виталькин отец, когда вернулся

из рейса. А потом он склотил второй топчан – напротив Виталькиного. Натянул мне на уши фуражку (такую же, как у дяди Севы) и сказал:

– Живите, люди...

Глава вторая

Андрей Николаевич Городецкий был капитаном грузового теплохода “Тобольск” и плавал по рекам от нашего города до самого моря. А иногда и по морю. Вместе с ним плавала и Виталькина мама – не то поваром, не то буфетчицей. Они отправлялись в плавание на месяц и больше, потом появлялись дома на несколько дней и снова уходили в рейс. И так от весны до ледостава. Виталька и тетя Валя в это время жили вдвоем. (А потом прибавился я.)

Жили в просторном старом доме. Его еще в годы своей молодости купил тети Валин дед. Тетя Валя рассказывала, что дед вовсе не хотел связываться с покупкой, но его назначили директором гимназии, а директору было неприлично жить в казенной квартире: в маленьком городке он считался очень важным лицом. Потом деда прогнали из директоров, потому что в доме его стали собираться польские повстанцы, сосланные царем на Север. А дом до самой революции все равно назывался “директорский”. Власти считали его “опасным гнездом”.

В доме было много старинных вещей. Висели фотографии в рамках – с них без улыбок смотрели на нас с Виталькой бородатые дядьки в длиннополых мундирах и тетеньки в платьях до пят. В буфете с разноцветными стеклышками блестели хрустальные рюмки и вазочки. Тетя Валя ими очень дорожила. Был шкаф с толстенными книгами и журналами, где каждое слово то с буквой “ять”, то с твердым знаком на хвосте. Книги нам казались нудными, а журналы “Нива” мы с Виталькой иногда разглядывали.

Были у тети Вали и часы с кукушкой. Кукушка большая, в настоящих перьях – каждые полчаса не выпрыгивала, а вываливалась из окошечка, повисала на тонкой пружине и хрипло орала не то “ку-ку”, не то “ква-ква”. От этого нечеловечьего крика мы с Виталькой иногда просыпались по ночам. А тетя Валя не просыпалась, хотя спала в комнате с часами. У нее был очень крепкий сон. Это, кстати, часто спасало нас от неприятностей.

На кухне царствовал большущий самовар с медалями, выбитыми на медном брюхе. Андрей Николаевич, когда бывал дома, любил “раскопечгарить эту систему”, и тогда всем делалось весело и мы до самой ночи сидели у стола, а самовар шипел, пытел и притворялся сердитым.

А граммофон с большущей трубой был совсем безработный. Тетя Валя даже любимые старые пластинки с Шаляпиным и Собиновым крутила на обычном проигрывателе “Рекорд”. А граммофон дремал в углу на тумбочке, под вязаной салфеткой. Конечно, ему было обидно! Ведь его механизм с могучей пружиной ничуть не ослабел за долгие годы.

Когда тети Вали не было дома, мы ставили граммофон на пол, отцепляли трубу, закручивали до отказа пружину и по очереди садились на оклеенный малиновым бархатом диск. Граммофон раскручивал нас. Вначале медленно, потом быстрее, быстрее...

Ух и здорово было! Комната вертелась вокруг нас, и все сливалось в разноцветные полосы! Главное, не бойся и держи равновесие, чтобы не слететь с диска. Ну а слетишь – тоже не беда. Шлепнулся, посидел, пока голова не перестанет кружиться, – и вставай. Виталька, вставая, всегда деловито шупал сзади штаны: не провертел ли дырку штырек для пластинок? И говорил:

– Ну, тренировочка! Будто у летчиков-испытателей!

Сейчас бы любой мальчишка сказал: “Как у космонавтов”. Но тогда космонавтов еще не знали. Мы с Виталькой познакомились за три месяца до запуска первого спутника.

Тетя Валя, по-моему, догадывалась о наших проделках с граммофоном. Она вообще о многом догадывалась и многое прощала, потому что лишь на вид была строга.

Кстати, Витальке она приходилась не тетей, а двоюродной бабушкой. Виталькин отец был ее племянником. Он рано стал сиротой, и тетя Валя его воспитала. А потом воспитывала Витальку и заодно меня, потому что в летние месяцы я пропадал у них днем и ночью.

Впрочем, как воспитывала? Тетя Валя считала, что мальчики не должны курить, играть на деньги и говорить нехорошие слова. Вот и все.

Курить? Ну что ж, мы один раз попробовали. Я нашел в канаве нераспечатанную пачку “Памира”, мы укрылись за сараем и задымили... Ой-ей-ей! Весь день я ходил потом с таким чувством, будто выпил таз мыльной воды, и все вокруг было в отвратительном желтоватом тумане. Витальке тоже было не лучше. С тех пор я ни разу не брался за сигареты и папиросы. Даже когда стал большим. Однажды я спросил у Витальки, тоже взрослого уже, не научился ли он курить. Он ответил, как в детстве: “Что я, чокнутый?”

На деньги мы тоже не играли. Чаще всего их у нас не было. А если были, то общие. Какой смысл выигрывать друг у друга?

Ругательные слова мы говорили. Но тетя Валя их не понимала. Мы придумывали их сами, на ходу, если что-нибудь случалось. Иногда эти слова походили на иностранные пиратские ругательства или марсианские заклинания.

В общем, тетя Валя считала нас вполне нормальными детьми. А если уж мы очень ей надоедали возней и проделками, она говорила:

– Виталий и Олег! Вы совершенно невозможные люди.

Это означало, что тетя Валя сердится всерьез. Пора, значит, притихнуть и обдумать свое поведение. А если мы все-таки не притихали, тетя Валя заявляла:

– Я выставлю вас из дома, и ночуйте на дворе, пока не станете приличными людьми.

Но ни разу в жизни она не намекнула мне, что ее дом – это вовсе не мой дом и что я не должен про это забывать. И я, по правде говоря, забывал.

Мама тревожилась и огорчалась. Ей казалось, что я убегаю из дома из-за дяди Севы и Ленки. Но теперь уже не в этом было дело. Мы с Виталькой просто не могли друг без друга. Не могли, вот и все.

Мама наконец поняла это. Но ее беспокоило и другое. Плохим аппетитом я не страдал, а обедал, завтракал и ужинал у тети Вали чаще, чем дома.

– Как она кормит вас на свою пенсию? – волновалась мама.

Мое сообщение, что, кроме пенсии, есть зарплата Виталькиных родителей, ее не успокоило. Я узнал потом, что мама пыталась даже предложить тете Вале деньги за мое “содержание”, а тетя Валя с улыбкой, но твердо сказала:

– Оставим это.

Тетя Валя вообще была немногословна. Если жизнь текла без особых происшествий, мы знали заранее, какие фразы когда от тети Вали услышим. Утром она стучала шваброй в потолок и сообщала:

– Граждане! Солнце встало! Вставайте и вы!

Перед завтраком она обязательно спрашивала:

– Надеюсь, вы умылись, хотя бы символически?

А вечером, когда мы возвращались с улицы после многотрудного дня, она неизменно говорила:

– Боже мой! На кого вы похожи!

На кого мы были похожи? Ну, на своих мам и пап, конечно (хотя своего папу я теперь видел только на фотографиях). Немножко – друг на друга. На всех обыкновенных мальчишек. И больше всего – на самих себя.

Виталька был повыше меня, белобрысый, вечно нестриженный – на шее волосы косичкой. Глаза у него были длинные, серо-зеленые, рот большой и толстогубый, а нос тонкий, с чуть заметной горбинкой. На горбинке сидело пять желтых веснушек. Эти глаза, губы, нос, если смотреть на них отдельно, как-то не подходили друг для друга. Но когда все вместе – как раз и получался Виталька.

Себя я почти не помню. С той поры у меня сохранилась только одна фотокарточка. Я на ней с мамой, дядей Севой и Ленкой. Причесанный, лупоглазый и удивительно примерный. Виталька говорил, что совсем на себя непохожий, только оттопыренные уши похожи.

А в зеркало я почти не смотрел.

Правда, одно зеркало все время попадалось на пути: оно стояло в прихожей, там, где начиналась лестница. Мутное, пятнистое. Высокое – от пола до потолка. Когда я брал разбег, чтобы взлететь по ступенькам, в зеркале этом, как в узкой темной двери, проскакивал рядом со мной щуплый тонконогий пацаненок с облезлыми от загара плечами.

Но я ни разу толком не разглядел себя: некогда было. Я спешил наверх – в нашу каюту, наш с Виталькой штаб, нашу крепость, наше царство. В наш мезонин, который мы с Виталькой называли вышкой. Кстати, знаете, что такое мезонин? Это когда на дом как бы ставят еще один домик. Получается второй этаж, только поменьше.

Наш мезонин состоял всего из одной комнатки. Стены были обшиты некрашеными досками. Доски потрескались от старости, и в щелях жил разный мелкий народ: какие-то паучки, жуки, сверчки. Мы их не боялись и не обижали. На стенах висело мое деревянное оружие и Виталькины картины. Не все, конечно, а самые лучшие. Мне особенно нравились “Летучий голландец” и “Восстание гладиаторов”.

“Летучий голландец” – это темный таинственный фрегат с изодранными парусами. В самую большую дыру на парусе проглядывает острый уголок месяца. На корме слабо горит желтый огонек.

“Гладиаторы” были еще лучше. Они восстали прямо на арене римского цирка и теперь гнали по мраморным лестницам богачей в длиннополых одеждах.

А еще на стене висели карманные большущие часы тети Валиного деда. Это была серебряная “луковица” старинной французской фирмы. Тетя Валя дала их нам, чтобы мы научились ценить минуты. Но трогать их она не разрешала и заводила сама.

В комнате было два окна: одно на юг, другое на север. В южное окно целые дни светило веселое солнце, а в северном окошке по вечерам висела посреди светлого неба большая звезда, названия которой мы не знали.

Иногда заглядывала розовая ноздреватая луна.

Мы разглядывали луну в маленький медный телескоп, который тоже достался тете Вале от деда. Раньше, давным-давно, в такие телескопы наблюдали планеты гимназисты.

Несмотря на древний возраст, телескоп работал исправно. Луна в нем казалась громадным румяным караваем. Близким-близким. Хоть рукой трогай. И у нас замирало дыхание.

...Стоит мне прикрыть глаза, и я вспоминаю все точно-точно. Даже не вспоминаю, а будто опять оказываюсь в мезонине.

Там полумрак. Телескоп стоит на подоконнике, а мы с Виталькой сидим перед ним на корточках. В сумраке за нашими спинами шуршат и шелестят в щелях и под рисунками на стенах наши жуки и сверчки. От телескопа кисловато пахнет старой медью. Виталька дышит негромко и часто. Он смотрит в окуляр, а я рядышком – щека к щеке – жду очереди. Виталькины отросшие волосы щекочут мне висок.

Вдруг Виталька шепотом говорит:

– А вот эти... гимназисты... Неужели они тоже планету изучали?

– Конечно.

– Это же давным-давно... Даже непонятно. Тогда даже электричества не было.

– Ну и что? А телескоп Галилей придумал. Это еще давнее... Ты, Виталька, целый час уже глядишь, ну-ка пусти...

Он послушно убирает голову, и я придвигаю глаз к окуляру.

...Чужой, до ужаса таинственный мир рывком приближается вплотную. Выпуклая пустыня в каменных кольцах и воронках... Что там? Кто там? Узнаем ли когда-нибудь?

Мы с Виталькой твердо верим, что полеты в космос начнутся скоро. Может быть, завтра. Ведь уже несколько спутников кружат над Землей. Но тайна от этого не становится меньше.

– ...Уже целый час смотришь, – ворчит Виталька.

Я со вздохом отрываюсь от телескопа. Что это? Неужели розовато-золотой ноготок, повисший высоко над чердаками и антеннами, – та самая планета, которая была сейчас почти рядом?

Виталька сидит у окуляра. Я выбираюсь в окошко и, свесив ноги на улицу, сажусь на теплый подоконник. Рядом с телескопом. Его объектив темнеет у моего локтя, словно громадный выпуклый глаз. В глубине этого глаза золотым семечком плавает отражение луны.

Я хитро улыбаюсь и прикрываю объектив ладошкой. Телескоп сердито дергается.

– Ты чего? – спрашивает Виталька.

– Это марсианский корабль пролетел.

– Ты у меня сам сейчас полетишь, – для порядка сообщает Виталька. – На планету Земля. Хочешь?

– Не-а. Мне здесь хорошо... Смотри, Виталька, самоходка идет. Может, “Тобольск”?

За темными крышами, пихтами и тополями, на светлой излучине появляется силуэт судна с тремя цветными огоньками.

Виталька торопливо выбирается из комнаты и садится рядом со мной. Снимает с подставки телескоп и берет его как подзорную трубу. Мы часто так делаем, когда хотим поглядеть, что вокруг нового на земле. Правда, в телескопе все вверх ногами, но это даже интереснее.

С полминуты Виталька смотрит в окуляр, как адмирал Нельсон из фильма “Леди Гамильтон”. Потом разочарованно говорит:

– Эх ты, “самоходка”. Буксир идет. Моряк – с печки бряк...

Надо бы Витальку за такие слова пихнуть в комнату, сесть на него верхом и натереть ладонями уши. Но, во-первых, неизвестно, получится ли. Во-вторых, мне слегка неловко: у меня-то мама в двух кварталах отсюда, а у него уже целый месяц в дальних краях. А я: “Тобольск” идет...”

Чтобы Виталька не заскучал, я завожу разговор:

– На Луне людей точно нет. А вот на Марсе... Если есть...

– Ну и что? – говорит Виталька.

– Если есть... Значит, мальчишки тоже есть?

– Ну... наверно... Ну конечно.

– А играют они в солдатиков?

Глава третья

Солдатики – это была наша любимая игра. Мы ее затеяли в то лето, когда подружились. А через два года у нас в больших коробках из-под обуви накопились громадные армии – тысячи три пехотинцев, конников, артиллеристов и разведчиков. Храбрые солдаты ростом с мизинец. Мы рисовали их на картоне и вырезали маникюрными ножницами.

Вернее, рисовал Виталька. Он уже тогда был почти настоящий художник. И главное, он придумывал здорово! Столько разноцветных мундиров, шлемов с перьями, барабанов, знамен...

Зато я изготовил всю артиллерию для обеих армий. Тетя Валя отдавала нам катушки от ниток, и они сразу превращались в орудийные стволы и колеса. Стреляли пушки горохом, сухой рябиной и стеклянными шариками от бус, которые тоже отдала тетя Валя. Бусинки считались тяжелыми, особо опасными снарядами.

Когда за окном моросил дождик и улица не манила, мы устраивали на полу поле сражения. Развертывали широким фронтом конный строй драгунских и гусарских полков, рассаживали по укромным уголкам разведчиков-наблюдателей, строили в каре разноцветных пехотинцев и егерей. Ставили батареи. У каждой пушки укладывали в пирамиду ядра, натягивали на стволы боевые резинки...

Артиллерия безжалостно косила картонные войска, и приходилось для защиты возводить брустверы, ставить редуты и бастионы.

А однажды Виталька укрыл свою армию за высоченной стеной из ватмана. Стена была разрисована под кирпич и выглядела совершенно непрошибаемой крепостью.

Мои разукрашенные генералы в малиновых и голубых мундирах приуныли вместе со мной, а потом устроили военный совет, укрывшись от вражеского огня за перевернутой табуреткой (Виталькина артиллерия вела из бойниц методическую стрельбу). Через пять минут мы сказали противнику:

– Ха-ха! Нам не страшен серый волк!

Укрепили колеса на подставках – так, что стволы оказались задранными вверх, – и открыли мортирную стрельбу. Навесом! Ядра сначала летели “в небо”, а потом сыпались на головы врага. За крепостной стеной началась паника. Падая в гущу солдат, снаряды отскакивали от пола и рикошетом обязательно сшибали кого-нибудь.

Главкомандующий Виталька вступил в переговоры и обвинил нас в нарушении благородных правил ведения войны. Он придрался к тому, что наши ядра отскакивают от потолка и это делает их удары сильнее.

– Вот и хорошо! – беспощадно сказал я. – Это нам как раз и надо.

– А не имеешь права. Если по правде, то никакого твердого неба нет, значит, снаряды отскакивать не могут.

– А мы в старинную войну играем. Тогда еще люди не знали, что твердого неба не бывает. Они, наоборот, говорили: “Небесная твердь”!

– Ну и что! На самом-то деле тверди и тогда не было, – разбил мои хитрости Виталька. Я не знал, что сказать, и поэтому брякнул:

– Откуда ты знаешь? Может, была. Никто ведь не летал, не проверял!

Виталька поморгал. Видно, не мог придумать, что возразить. Потом нахально заявил:

– Откуда ты взял, что не летали? Может, летали!

– Ха-ха-ха! – сказал я. – На чем?

– Хе-хе-хе, – мрачно ответил Виталька, понимая, что проиграл спор. – На коврах-самолетах.

Я сочувственно посмотрел на него и вздохнул.

Если бы мы знали тогда...

Но мы ничего еще не знали, нас волновало сражение.

– Убирай стену, тогда опущу пушки, – предложил я.

– Фигушки-фиг! – изящно ответил фельдмаршал Городецкий и стремительно перестроил войска в длинные колонны с большими интервалами. Потери его сразу уменьшились. Потом он открыл крепостные ворота и вывел в атаку кирасир в панцирях из фольги.

Чтобы уберечь от разгрома левый фланг, я спешно кинулся строить редут из костяшек домино...

Вот так мы и воевали.

Пол в мезонине сколочен был из могучих плах какого-то нездешнего дерева. От времени мягкая древесина источилась и выветрилась, и сверху осталось лишь переплетение твердых жил. Ползать на четвереньках по ним было больно. Однако в боевом азарте мы не думали о себе. Меняя позиции, кидаясь от пехоты к пушкам, от фланга к флангу, мы всеми суставами грохались об пол – так, что внизу у тети Валя звенел в буфете старинный хрусталь, а на наших локтях и коленках глубоко отпечатывались красные древесные узоры.

Эти отпечатки и ссадины мы считали боевыми ранениями и даже гордились ими. А тетя Валя, разглядывая нас после очередного сражения, покачивала головой и жалостливо шурилась. Женщины всегда жалеют тех, кто пострадал в боях. Кроме того, я думаю, тетя Валя жалела свои хрупкие рюмки и графинчики. И однажды она сказала:

– Уважаемые полководцы! Я хочу спасти вас от увечий, а дом от разрушения.

Мы переглянулись. Неужели мы довели бедную тетю Валью до такого отчаяния, что она решила нас выселить с вышки?

– В чулане у меня есть ковер, – сообщила тетя Валя. – Конечно, не очень новый, но... Если выбить из него пыль, почистить, можно постелить у вас наверху. Тогда будет гораздо меньше грохота и синяков.

Ковер? Ура! На ковре можно устраивать соревнования по классической борьбе (и по неклассической тоже). Можно просто лежать рядышком друг с другом и болтать про все на свете. Можно вытащить ковер на крышу и загорать там, не боясь расцарапать пузо о кровельные листы. Можно сделать из него чум или кибитку и жить, будто кочевники!

Это взрослые думают, что ковры нужны только, чтобы вешать на стенку или класть на пол. А мы-то знали настоящую цену вещам!

Ковер, свернутый в большую трубу, стоял в самом углу чулана. Мы, конечно, бывали здесь не раз, но не обращали на него внимания: он был полузадавлен всякой рухлядью. Пока мы добрались до ковра, я успел поцарапаться о сломанную птичью клетку, а Витальке на голову упал дырявый шелковый абажур.

“Труба” выглядела внушительно. Я похлопал по плетеной изнанке ковровой материи. Она была жесткая и шероховатая.

– Тяжеленный, наверно, – вздохнул я.

– Это точно. Свалится – придавит, как мышат, – “утешил” Виталька. – Ну, взялись...

Ковер оказался поразительно легким.

– Как из пенопласта! – изумленно сказал Виталька.

Мы без труда выволокли ковер в коридор. Потом взвалили на плечи и торжественно понесли на двор. Виталька шагал впереди, и рыжий шелковый абажур качался на его голове, будто колокол.

– Выбейте пыль как следует, – сказала вслед тетя Валя.

Мы развернули ковер на траве. Он был небольшой: длиной метра три, а шириной около двух. Грязно-серый. Пахло от него кладовкой, плесенью и старыми мешками.

– Жуть, – сказал Виталька и выдернул у забора могучий стебель прошлогоднего репейника. А я отыскал у крыльца палку от швабры.

Мы врезали по ковру с двух сторон, и пыль поднялась, словно дым над вулканом. Ковер пружинил и подпрыгивал, как живой. Мы чихали, хохотали, а тетя Валя с крыльца уговаривала нас пылить не так сильно, иначе соседи вызовут пожарную машину.

Наконец мы выдохлись. Прочихались. Ветерок унес пыльное облако. И тогда мы разглядели узор на ковре. Ну, узор как узор. Ничего особенного. Какие-то зубчатые треугольники по краям и угловатые загогулины, а в середине – два больших квадрата, положенных друг на друга так, что получилась восьмиугольная звезда. А в этой звезде была другая, похожая на шестерню. Ковер после чистки остался серым, а рисунок был красновато-коричневый, выцветший и расплывчатый. Чуланный запах мы выбили из ковра не до конца. А ворс, там, где он не вытерся от старости, стал после наших ударов ершистым и колючим на вид.

Не все ли равно! Мы так устали! Мы посмотрели друг на друга и разом бухнулись на ковер.

Я падал, зажмурившись. Поэтому первое ощущение было особенно удивительным. Казалось, я упал не на старый ковер. На что-то другое – мягкое, шелковистое, теплое. Живое.

Я изумленно открыл глаза и сел. Мои ладони скользили по ковровой щетине, которая выглядела жесткой и кусачей. А казалось, что я глажу ласкового зверя с короткой, но пушистой шерстью. Виталька сидел на корточках и обалдело смотрел на меня.

Я ему ничего не сказал. Я лег ничком и прижался к теплему ковру голыми руками, ногами, щекой. Я купался в этой ласковости. И вдруг почувствовал, что от ковра пахнет не только плесенью и мышами. Пробивался запах чего-то незнакомого, южного, загадочного. Словно кто-то втер в ковровую ткань семена заморских трав.

Вдохнул я и открыл глаза. И увидел, что Виталька лежит, как и я. Носом ко мне.

– Вот это да, – сказал он, улыбаясь и не отрывая щеки от ковра.

Я промолчал, потому что в самом деле “вот это да”.

– Наверно, его тети Валин дед из какой-нибудь Персии привез, – проговорил Виталька. – Тетя Валя говорила, что дед много путешествовал, когда молодой был.

– Наверно, его делали старые мастера, а теперь этот секрет утерян, – сказал я.

– Наверно... – сказал Виталька.

Мы медленно перевернулись на спину.

– А тетя Валя? – спросил я. – Разве она не знала, что он... такой?.. В чулан запихнула.

– Может, знала, да забыла, – откликнулся Виталька. – Она же... ну, в общем, немолодая уже. Пожилые люди про многое забывают.

– Память у нее хорошая, – заступился я.

– Ну, хорошая... А может, она и не понимала, какой это ковер. Она ведь на нем не валялась, как мы.

– Почему? – удивился я.

Виталька хмыкнул:

– А ты видел ее фотокарточку, когда она девчонкой была? Платье чуть не до пяток, кружева всякие, бант на спине, ботинки высоченные с пуговицами. Попробуй поваляйся.

Я пожалел тетю Валью, которая лишена была такого удовольствия, сладко вытянулся на ковре и опять погладил его.

– Как живой, да? А мы его, бедного, палками...

– Ничего, – утешил Виталька. – Зато чистый стал... А мы с тобой – наоборот.

Он согнул потемневшую от пыли руку и подул на нее. А я увидел на его локте красную капельку.

– Смотри, поцарапался, – сказал я.

Виталька улыбнулся и тронул каплю мизинцем. Она разломилась пополам, выпустила прозрачные крылышки и улетела в густую траву.

– Божья коровка, улети на небо... – запоздало сказал Виталька.

– А по правде они могут на небо улететь? Высоко, как самолеты? – спросил я.

– Не-а, – сказал Виталька. – Им зачем? Они же травяные жители.

– Ну а если захочет? Вдруг захочет?

– Она не захочет, – сказал Виталька. – Это ты, может, захочешь, потому что ты человек.

А она же просто так, божья коровка.

Я лежал, раскинув руки. Левая ладонь оказалась в траве, и между пальцами попал высокий стебелек одуванчика. Я машинально теребил его, а сам думал вот о чем: если бы я даже был божьей коровкой, все равно попробовал бы лететь выше и выше. Конечно, там на высоте давление другое, холод, воздуха мало, но я летел бы, пока хватит дыхания.

Я представил, что вот так, лежа на спине, начинаю медленно подниматься к одинокому облаку, насквозь просвеченному июльским солнцем.

Показалось мне, что шевельнулась под ковром земля, а все пространство слегка сдвинулось. Так бывает, когда голова на миг закружится. Стебель одуванчика, который я держал, скользнул вниз, пушистая головка проскочила между пальцами, растеряв семена. Потом я увидел, что уходит вниз разошедшаяся бочка, стоявшая неподалеку.

– Мама! – заорал я и бухнулся в траву.

Крепко бухнулся. Потому что от ковра до земли было уже метра полтора...

Даже сейчас, когда я вспоминаю тот случай, мне делается неловко. Ведь что ни говори, я испугался и бросил Витальку. И слегка утешает меня лишь то, что Виталька поступил так же: заорал и плюхнулся на землю. Только с другого края ковра.

Мы сидели в примятой траве и перепуганно таращились друг на друга.

– Ты чего? – сказал Виталька.

– Чего “ты чего”? – сказал я.

– Как это ты? – спросил он.

– Я никак. Я ничего, – ответил я, потому что понял наконец: Виталька думает, что это мои шуточки.

Ковер плавно, как большой бумажный лист, опустился между нами. Я икнул и сказал:

– Это он.

Виталька задумчиво осмотрелся, зачем-то заглянул под ковер и опять вопросительно уставился на меня. В моей голове стремительно прыгали всякие догадки и фантастические мысли: “Может, было незаметное землетрясение и нас плавно потрянуло?.. Может, у нас обоих сон или гипноз?.. Может... Может...”

А что “может”, в конце концов?!

Я опять икнул и спросил Витальку:

– Попробуем?

– Н-ну... давай... – сказал он без восторга.

Мы осторожно, как на горячую плиту, сели на ковер.

– Н-не поднимается, – сообщил Виталька.

– Значит, показалось.

– Обоим?

Я икнул третий раз и потер ушибленное место. Ничего себе “показалось”.

– Ты чего-нибудь делал, когда он... это самое? – шепотом спросил Виталька.

– Ничего я не делал. Я о нем даже и не думал совсем.

– А о чем думал? – требовательно спросил Виталька.

– Сейчас... Ну, кажется, о божьей коровке... Долетит она до облака или нет.

– Значит, о полете, – обрадованно сказал Виталька. – Значит, так... Попробуем! – Он прищурился и скомандовал: – Вперед! Полетели!

Ковер не шелохнулся.

– Вперед! Старт! – повторил Виталька и даже поерзал, словно подгонял ковер. Тот не двигался.

– Хочу подняться до крыши, – сказал Виталька почти жалобно.

И мне захотелось. Страшновато было, но все равно захотелось, чтобы ковер шевельнулся, чтобы стена дома плавно заскользила вниз и узорчатый карниз под крышей оказался у наших глаз.

И тогда... Тогда это случилось!

Нас приподняла ласковая сила, и мы увидели перед собой кромку железной крыши и старое деревянное кружево карниза: хрупкие завитушки и зубцы с круглыми отверстиями. Из одного отверстия, как из иллюминатора, озадаченно глядел на нас воробей.

В первый миг я хотел повторить старый трюк: завопить и свалиться. Виталька ухватил меня за майку.

– Стой! Высоко...

Я замер. Ковер медленно опускался.

– Вот так, – прошептал Виталька. – Нельзя же каждый раз прыгать. Привыкать надо.

Под эти слова мы приземлились.

– Если бы знать, отчего он летает, – все еще шепотом сказал Виталька. И опять потребовал: – Ну, давай! Вверх!

А я догадался... Нет, в самом деле, я, кажется, понял!

– Не надо командовать! Надо просто захотеть. Понимаешь, надо просто представить, что летишь... Подожди...

Я глянул на заросли полыни и репейника у забора и подумал, что вот сейчас приподнимемся и заскользим над самой травой к этим зарослям... И мы заскользили!

Я мысленно сделал разворот у забора и представил бреющий полет по кругу. И ковер-самолет послушался!

“Скорей”, – не скомандовал, а пожелал я. Зашелестел встречный ветер, мелькнула поленница, крыльцо, сарай, опять поленница... Потом я опустился посреди двора. Сердце бухало, как барабан. Виталька сидел, вцепившись в мое плечо.

– Попробуй сам, – великодушно сказал я. – Знаешь как? Подумай, что летишь. Как будто сам летишь, вот и все.

– Ага, – торопливо сказал он. – Я... сейчас.

Нас опять мягко приподняло, ковер наискосок пересек двор, мягко взмыл над забором и пошел над улицей. Я заметил, что по дороге мчится под нами квадратная тень.

– Ты что? Увидят! – крикнул я.

Мы опять влетели во двор и плавно сели на прежнее место.

– Слушается... – с тихим восторгом сказал Виталька.

– “Слушается”! – упрекнул я. – Чего тебя на улицу понесло? Заметят же...

Виталька заулыбался и пожал плечами.

– Пускай. Все равно это сон...

Он завалился на спину и, мечтательно болтая в воздухе ногами, проговорил со сладким вздохом:

– Хороший сон. Подольше бы не просыпаться.

Я поглядел на его отросшие вихры, ухватил белобрысую прядь и довольно беспощадно дернул.

– У-ы-а! – взревел Виталька. – Ты чего, жабомыра с повидлом?!

– Видишь, не спишь, – сказал я.

И вдруг испугался: а если это я сплю?

– Ну-ка, щипни.

Виталька отплатил мне полновесным щипком выше локтя. Я заорал не только от боли, но и от радости: не сплю!

И, обалдев от счастья, мы облапили друг друга, покатались по ковру, выколачивая из него локтями и пятками остатки пыли. Потом разом спохватились: а вдруг ему больно? Притихли. Погладили ковер-самолет, как большую собаку.

Виталька задумчиво потрогал вихор, за который я его дернул, и сказал:

– Значит, это по правде бывает? Не во сне?

Глава четвертая

Мы постелили ковер у себя на вышке между топчанами. Затем испугались: а вдруг он больше не станет летать? Сели и попробовали подняться к потолку.

Поднялись! Ура!

Тетя Валя стучала в потолок:

– Воины! Обед остывает!

Увидев нас, она ахнула, велела набрать воды в корыто и отмывать друг друга. Мы безропотно подчинились.

За столом в этот раз мы вели себя так примерно, что тетя Валя заволновалась: может быть, мы в пыли наглотались микробов и скоропостижно заболели? Потрогала наши лбы, успокоилась и велела после обеда отправляться на рынок за картошкой. Это было самое нелюбимое дело – тащить через весь город, по жаре тяжелую корзину. Однако мы с радостью ухватились за него.

Лишь бы скорее бежало время!

Лишь бы скорее пришла ночь!

Только ночью ковер-самолет можно испытать как следует. А если днем – представляете, какой шум поднимется в городе!

Конечно, мы не ждали полной темноты. В середине лета ночи у нас серебристые, словно в воздухе рассеяна алюминиевая пыль. Иногда можно даже книжку читать, особенно если буквы крупные. Однако ночью пустеют улицы и меньше риска, что нас увидят.

Мы принесли картошку. Послонились по двору. Потом испугались: не потерял ли ковер свою волшебную силу? Побежали на вышку – проверять. Ковер добросовестно поднял нас к потолку. Мы опять слегка обалдели и на цыпочках спустились по лестнице.

Сели играть в шахматы. Не игралось.

Пошли в соседний переулочек, где ребята играли в футбол. Но наши ноги нас не слушались, и через пять минут девятиклассник Клим, мой сосед, перевел нас в запасные.

Мы пошли на реку, искупались. Но и в этом не было сегодня большой радости.

Да что такое случилось с временем?! Застряло оно, что ли? Просто издевательство какое-то!

Мы улеглись в постели еще до захода солнца и этим снова напугали тетю Валью. Она опять принялась щупать наши лбы. Пришлось сочинить, что мы очень устали, играя в футбол. Тетя Валя покачала головой и ушла.

– Как же все-таки он устроен? – шепотом сказал Виталька.

Он уже тысячный раз об этом спрашивал. И я, по правде сказать, рассердился:

– Как да как! Самое главное, что летает!

Виталька не обратил внимания на мою сердитость.

– Нам всю жизнь объясняли, что сказка – это сказка. Значит, ковер-самолет – не сказка?

– Нет, сказка. Только по правде, – возразил я.

– А может, это такой аппарат? Помнишь, в книжке “Тайна желтой звезды”? У ихних жителей такие летательные аппараты были, мыслями управлялись. Мыслелеты! У них эта была изобретена... как ее... ну, против тяжести!

– Антигравитация, – вспомнил я мудреное слово. – Ну так это же на той планете! А у нас откуда?

– Может быть, когда-то космонавты с другой звезды прилетели и позабыли. Давным-давно...

Я свесил голову с топчана и посмотрел на ковер.

Коричнево-серый узор. Края потерты. Вон даже суровые нитки изнанки просвечивают через вытершийся ворс. Обыкновенные нитки. Обыкновенный ковер...

– Знаешь, Виталька, не городи чушь. Если бы это было с другой планеты, то уж получше что-нибудь. Думаешь, там дураки? Они бы сиденья сделали, иллюминаторы, кабину...

– А может, им это не надо. Может, на той планете вообще сидений нет!

– Ну ладно. А где установка, чтобы антигравитацию делать? Из шерсти, что ли, она вырабатывается?

– Вот это и есть загадка, – хмуро сказал Виталька. – Это что-то новое для науки... А раз новое, значит, мы должны ученым сообщить. В Академию наук. Чтобы они изучили и разгадали.

Это мне и в голову не приходило! Но Виталька прав: надо писать в Академию. Иначе получится, что мы скрыли важное научное открытие.

– Только тогда уж нам коврика не видать. Заберут, – печально сказал я.

Виталька вздохнул.

– А может быть, никакой тут науки и нет? – неуверенно спросил я. – Обыкновенный сказочный ковер-самолет.

Виталька опять вздохнул.

Вздыхай не вздыхай, а выхода нет.

И все-таки выход нашелся!

– Виталька! А для науки его испытывать будут? Надо же ученым знать, как он летает?

– Конечно!

– А кто будет испытывать?

– Ну кто... Летчики-испытатели.

Я победно сказал:

– Летчики-испытатели умеют самолеты водить. А на коврах они ни разу не летали. Мы-то уже пробовали, а они нет! У них и не получится, они к разным рукояткам привыкли да к педалям!

Виталька приподнялся на локте и смотрел на меня с радостным ожиданием.

– Значит, мы должны испытывать! В конце концов, мы его открыли, значит, мы и должны! А когда как следует испытаем, тогда и расскажем!

Виталька даже подскочил.

– Точно! Мы должны сперва все его свойства изучить! И летать научимся хорошенько. Может, тогда нас и дальше его испытывать возьмут, когда изучать будут!

Эти мысли успокоили нашу совесть. Мы решили, что лето посвятим испытаниям ковра-самолета, а осенью расскажем о нем ученым.

Пока мы спорили и решали, окна слегка потемнели и тети Валина кукушка прокричала внизу одиннадцать раз.

Мы выждали еще полчаса.

Потом осторожненько натянули штаны и футболки.

Южное окно мезонина выходило на плоскую крышу задней части дома. Эта крыша стала нашей стартовой площадкой. Мы расстелили на ней ковер-самолет.

Первый старт был неудачным. Ковер сильным толчком поднялся в воздух, боком скользнул к забору и сел на упругие верхушки репейника.

Я скатился в колючки.

– Чего это он? – шепотом спросил Виталька.

– Это ты чего, – сердито сказал я. – Ты куда хотел лететь?

– Через забор, на улицу.

– А я хотел сперва круг по двору сделать! Ковер же не разорвется, чтобы сразу двоим угодить.

Сердиться было глупо, мы это быстро поняли. Просто надо было договориться, чтобы ковром управлял кто-то один.

– Давай ты, – великодушно сказал Виталька. – У тебя пока лучше выходит.

Мы опять уселись на ковре, и я представил, как медленно, плавно скользим мы вдоль забора, мимо крыльца, мимо поленницы. Идем по кругу, постепенно набирая высоту...

Ковер приподнял края, упруго поднял нас и пошел, пошел...

Мы перелетели через забор. Пересекли улицу. Поднялись до высоты печных труб и тихо полетели над огородами.

Я сидел, крепко обхватив за плечи Витальку. Мы молчали. Виталька часто дышал, и под майкой у него быстро-быстро стучало сердце. Ковер мягко прогибался под нами, и мы сидели, как в шелковистом гамаке. Я отпустил Виталькины плечи и подвинулся на край: хотел посмотреть, что под нами. Кромка ковра приподнялась, стала тверже.

– Охраняет. Вот молодец, – шепотом сказал Виталька.

Осторожно-осторожно я сел на краю и спустил ноги. Равновесие не нарушилось. А край ковра совсем затвердел, еще сильнее выгнулся вверх и упруго поддерживал меня под коленками.

Виталька спустил ноги с другой стороны. Опять сказал: “Вот молодчина!” – и погладил ковер. Потом спросил:

– А если вместе сесть?

– Перевернемся.

– Давай тихонечко попробуем.

Он стал осторожно перебираться ко мне и наконец сел рядом. Ковер летел и летел, без всякого крена. Видимо, обычные законы равновесия на него не действовали.

Виталька снова уполз к середине. Встал на четвереньки, потом на колени и наконец поднялся во весь рост. Постоял, балансируя, и весело сказал мне:

– Все нормально. Вставай.

Я добрался до Витальки, ухватился за его футболку и распрямил колени (а они слегка вздрагивали).

Ковер мягко продавливался под босыми ногами, но стоять было можно – летели мы ровно, как по ниточке.

И вдруг я понял, что ковер летит сам по себе! Я давно уже не управлял им. Значит, он может сам? Значит, надо ему только показать направление?

А вдруг ковер-самолет просто заманил нас на себя и теперь унесет в тридевятое царство, за темный лесной горизонт? Я моментально решил сделать разворот! И ковер послушался. В тот же миг.

– Вот умненький, – ласково сказал я и от радости опять обхватил Витальку за плечи.

Мы пролетели рядом с темной пихтой, растущей в незнакомом дворе – так близко, что мохнатая ветка чиркнула меня по плечу. На крутой железной крыше, у печной трубы, сидел кот. Он услышал шорох, увидел нас, взгорбился и зашипел. А внизу, у крыльца, загавкала собака. Но мы уже пролетели. Ощущение полной безопасности радостно захлестнуло меня. Я прибавил скорость, и на этой скорости мы стали круто подниматься над городом.

Зашумел, ударил в грудь встречный воздух, откинул назад наши волосы. Мы покачнулись, но опять крепко встали, держась друг за друга. И снизу, и сверху, и по сторонам была пустота, но она не пугала. Мы сразу и крепко поверили в надежность ковра-самолета. Он был наш друг и не мог нас обмануть.

Мы летели, прошивая светлый ночной воздух. Он лежал пластами – теплыми и остывшими, вперемежку. Мы попадали то будто в нагретую вату, то в продутый осенними сквозня-

ками коридор. А иногда случалось так, что мы двигались словно по пояс в нагретой воде, а локти и шея – в пупырышках от колючей свежести.

Внизу под нами разрастался город с россыпью светящихся квадратиков-окошек, с тонкими бусами фонарей вдоль главных улиц. Они горели, хотя ночь была совсем светлая.

С трех сторон город обнимала широкая река. В ней отражалось серебристое небо и желтоватая заря – она не гасла над северным горизонтом.

Я вдруг подумал, что с земли мы теперь кажемся не больше почтовой марки. И все-таки...

– А если увидят? – прошептал я. – Небо-то вон какое светлое.

– Кто увидит? – откликнулся Виталька. – Улицы пустые.

– Но не совсем же пустые...

– Ну и пусть видят, – беззаботно сказал Виталька. – Подумают, что это марсианская летающая тарелка.

– Четырехугольных тарелок не бывает.

– Это у нас не бывает. А на Марсе?

Мы оба засмеялись. А ковер-самолет уносил нас в светлую высоту, где, как жидкие огоньки, переливались две самые яркие звезды.

Глава пятая

Я проснулся с улыбкой и жалостью. С улыбкой – потому что целую ночь снился чудесный сон про ковер-самолет. А с жалостью – потому что сон кончился.

Пока не забылись все подробности, надо рассказать.

Виталька тихо посапывал, лежа носом к стене. На его заросшем затылке сидел пушистый солнечный зайчик.

Я скрутил в тугую муфту подушку, взвесил ее в руке и прицелился. А для верности левой рукой уперся в пол.

Ладонь легла на что-то шелковистое и удивительно мягкое. Я вздрогнул и уронил подушку. Она упала на шерстяной серовато-коричневый узор.

Ковер лежал на полу между нашими топчанами!

Я, замирая, сполз на него и... захотел подняться до потолка.

Поднялся.

Потом осторожно приземлился на прежнее место.

Значит, сон продолжается?

Не бывает таких снов!

Вот разлохмаченный угол на старом Виталькином одеяле. Вот похожие на клочки папиросной бумаги чешуйки кожи на Виталькином плече, шелушащемся от загара. Вон идет по стене маленький черный жук, и на его круглой спине блестит солнечная точка. Разве во сне увидишь все с такой точностью?

Я лег щекой на ковер и стал смотреть снизу вверх. На Витальку. Чтобы разбудить его взглядом. Но он не будился.

– Да вставай же! – заорал я. – Это не сон! Понимаешь? Это не сон!

Братцы, за что же нам такое счастье привалило?! Мы от радости были готовы обнять всю землю. Мы хотели всем людям делать только хорошее. И сами хотели быть хорошими.

Мы опять напугали тетю Валю, потому что без всякого грохота спустились по лестнице, а потом добровольно вымыли шеи и уши (с мылом!).

После завтрака мы взяли громадный жестяной бидон и отправились в керосиновую лавку. Это был подвиг, на который мы не могли решиться целую неделю.

Притащив керосин, мы побежали ко мне домой и лихо помогли маме провернуть воскресную уборку. Мама тоже слегка растерялась, а потом заявила, что дружба с Виталькой действует на меня облагораживающе. Я захохотал и пихнул Витальку ниже спины. Он сел на меня верхом. Со стены на нас упало жестяное корыто. Мама прогнала нас на улицу.

День только начинался. Мы знали, что это будет чудесный день. Мы не станем теперь торопить время. Вечер все равно придет, и мы опять пустимся в полет!

А до вечера мы будем купаться, гонять в футбол, смотреть по телевизору мультики, пускать с крыши бумажных голубей и носиться с ребятами по заросшим травой переулкам – играть в разведчиков. Жизнь прекрасна!

Для начала мы решили сбегать на речку, окунуться.

И побежали. И повстречали на углу Ветку.

Так ее звали – не Светка, а Ветка. Она, как и я, перешла в четвертый класс, только училась не со мной, а в параллельном. Девчонка как девчонка – невысокая, худая, волосы по ушам пострижены. Обыкновенные такие волосы – не темные, не светлые, прямые, как струнки. На школьных утренниках она часто выступала с танцами. Я к танцам был равнодушен и к девчонкам тоже. Но она нравилась Витальке. Он мне про это не раз говорил.

– Что в ней хорошего? – спрашивал я. – Она даже и не красивая. Курносая, и рот как у лягушки.

– Жабокряк бесхвостый! При чем здесь красота?

Ну и ладно. Мне-то что?

Ветка шагала, опустив голову и поддавая коленками большую клеенчатую сумку. Из сумки, как зеленые хвосты, торчали перья лука. Если бы я шел один, то не остановился бы. Пробормотал бы “здорово”, а то и молча прошел бы. Мы ведь почти не знакомы были. Но Виталька быстро заглянул ей в лицо и сказал:

– Что с тобой?

Ветка остановилась, подняла голову. По щекам у нее тянулись следы от слезинок.

– Что с тобой, Ветка? – опять спросил Виталька, будто у хорошей знакомой, хотя она, может быть, его и не помнила.

Ну и правильно. Раз у человека следы от слез, не все ли равно – знакомый он или нет? Два года назад мы с Виталькой тоже почти не знали друг друга, а он спас меня.

Ветка поглядела на нас, узнала и шепотом сказала:

– Велосипед отобрали.

– Кто?! – сказали мы.

– Да там один... Разиков.

– Из какого класса? – деловито спросил я.

Ветка чуть-чуть улыбнулась большим своим, слегка кошачьим ртом:

– Что вы... Он большой. Старый. Иван Иванович...

– Что за Иван Иванович? – грозно спросил Виталька.

– Ну... человек такой. Раньше он пожарниками командовал, а теперь на пенсии. Ко всем придирается...

Что же это на свете делается? У одних людей счастье, а у других какой-то Иван Иванович Разиков отбирает велосипед! Где же справедливость?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.